

нем. В ее фундаментальной вступительной статье интересны, в частности, замечания о теккереевской «эстетике полутонов, порожденной новым взглядом на человека» и во многом предвосхитившей искусство XX столетия.

Книга на долгие годы останется необходимым справочным пособием и дополнением к собранию сочинений Теккерера. Хочется, однако, упомянуть и о том, чего нет и что могло бы быть в подобного рода издании. Казалось бы, мелочь: в картотеке М. М. Бахтина, хранящейся в Пушкинском Доме, составительница обнаружила неточную запись ученого — он перепутал стихотворение Теккерера «Тимбукту» с его же «Легендой о св. Софии Киевской». Последняя представляет, вероятно, единственное во всей западноевропейской литературе значительное произведение, посвященное древнему Киеву и его главному храму. Но почему-то из библиографии выпала статья автора настоящей заметки, напечатанная в журнале «Радянське літературознавство» (1984, № 1), где как раз анализируется эта бурлескная ироикомическая поэма, по словам Е. Ю. Гениевой, мало освоенная даже специалистами. Жаль, что не нашлось в работе места для комически-пародийного стихотворения Теккерера «Три рождественских певца», представляющего остроумный и по-своему глубокий отклик поэта на революцию 1848 года.

Особо следует сказать о проблеме перевода. Относительно Иринарха Введенского здесь, кажется, расставлены наконец все точки над «и», чего не скажешь о работах советского времени. А ведь труд М. А. Дьяконова (ставшего одной из жертв сталинских репрессий) кое в чем уже устарел. Вдобавок редактировавшие его перевод «Ярмарки тщеславия» Р. Гальперина и М. Лорие лишь ухудшили его текст, убирая из него «буффонные» теккереевские образы и заменяя их безликими общими местами. Где у Дьяконова букет величиной со «стог сена» (перевод точный!), там наши переводчики ставят робкое «чуть ли не с венчик». Обильный поток слез из глаз Эмилии Седли напоминает «игру больших фонтанов» — тут у Теккерера эстетика английской рождественской пантомимы. Дьяконов робеет и низводит ее до... «водопровода», а переводчицы вычеркивают и это, сводя все к банальным «слезам». Совершенно исчез из романа знаменитый мрачно-юмористический образ потайного «скелета в кабинете», взятый писателем из «Синей Бороды» Ш. Перро и превращенный им в метафору позорной тайны, мучающей человека.

Короче говоря, советские переводчики еще не вполне освоили поэтику Теккерера с ее удивительными, подчас даже нарочитыми переходами от тонкого психологизма, полутонов к «балагану», гротеску, карнавалу. Обо всем этом уместно было бы сказать на страницах рецензируемой книги.

Замечания эти не умаляют значения сделанного. Работа Е. Гениевой и ее коллег остается для нас примером честного служения делу культурных связей.

В. Вахрушев.

Валашов.

*

П. А. КАПИЦА. Письма о науке. 1930 — 1980. М. «Московский рабочий». 1989. 400 стр.

Собранные в этой книге письма лауреата Нобелевской премии академика П. А. Капицы охватывают сложное пятидесятилетие истории нашей страны. Героические и трагические повороты, спады и подъемы этой истории отразились непосредственно и столь же противоречиво на судьбах отечественной науки и ее творцов. Как нелегко, порой драматично складывалась в это время жизнь самого Петра Леонидовича, рассказано в предисловии его референта П. Е. Рубинина (составителя сборника, автора примечаний и аннотированного именного указателя). Судя по письмам, основной предмет размышлений, забот и тревог П. А. Капицы — не просто наука, а то, что у ученых принято называть Большой наукой. Речь идет о фундаменте, определяющем магистральные пути научного прогресса. Именно Большую науку, считая ее достоянием всего человечества, имеет в виду Капица и тогда, когда обсуждает со своими коллегами вопросы технического обустройства научных институтов и лабораторий, и когда хлопочет перед сановными представителями властвующей элиты об освобождении незаконно осужденных ученых и прекращении средневековых преследований за инакомыслие (среди его адресатов — И. В. Сталин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, А. И. Брежнев, Ю. В. Андропов...), и когда протестует против варварского разгула отечественной цензуры и нелепых ограничений международного научного общения.

По возвращении из Англии на родину после тринадцатилетней отлучки П. А. Капица сталкивается лицом к лицу с главным врагом отечественной науки и культуры, врагом свободного творческого поиска. Этот враг — всесильная бюрократия, проникшая практически во все поры и звенья советской системы. Насильственно удерживаемый внутри этой системы, лишенный возможности физически порвать с ней, Капица — ученый уже с мировым именем — вынужден определить по отношению к ней свою «стратегию и тактику». Позиция его двойка: с одной стороны, борьба с системой в целом и с ее частными проявлениями, с другой — стремление для блага научного прогресса выжать из этой системы все что только возможно при данных обстоятельствах. 23 февраля 1935 года он пишет жене:

«То, что в Англии решается телефонным звонком, здесь требует сотни бумаг. Тебе на слово ничему не верят, верят только бумаге, недаром она дефицитна. Бюрократия душит всех. <...> Мне, как ученому, страшно трудно найти место свое. Повидимому <...> время еще не созрело, это и есть трагедия моего положения. Повидимому, единственный [выход] — это стать в исключительное положение, так сказать, под непосредственное покровительство власти. Быть на правах тепличного растения. Хорошо ли это? Могу ли я идти на это? Не лучше ли обожидать со всем этим? Мне многое не ясно, но жизнь покажет».

«Тепличным растением» П. Л. Капица не стал и по своему характеру стать не мог. Хоть ему и удалось добиться относительно «покровительства власти», использовав его во благо науки, но та же власть — академическая бюрократия и политические диктаторы разных рангов — наносила ему не раз глубокие раны...

Чем дальше углубляешься в эту книгу, тем неотвратимее встает вопрос, намек на который еще недавно был бы сочтен по меньшей мере кощунственным: а развивалась ли вообще советская наука? На мой взгляд, из писем П. Л. Капицы может быть извлечен достаточно определенный ответ. А именно: советская наука, рассматриваемая в собственной системе отсчета, в общем и целом несомненно развивалась. Однако качество этого развития было таково, что в контексте достижений мировой науки в 1930—1980 годах наша наука, к великому сожалению, деградировала, и эта ее деградация продолжается по сей день. Книга дает обильную пищу для размышлений о причинах столь печального положения дел.

И. Мочалов,
доктор философских наук.

*

ЮРИЙ ПРОКУШЕВ. И неподкупный голос мой... Поэты России. М. «Современник». 1989. 366 стр.

В новую книгу Ю. Прокушева (тираж 50 000 экз.) вошли статьи, содержащие похвалы русским поэтам от А. Пушкина до В. Сорокина. Обо всех говорится одинаково торжественным слогом, используются устойчивые привычные клише: «Пушкин — это океан поэзии», «Пушкин и Маяковский... Каждый, как океан поэзии, океан жизни»; Есенину, сообщает автор, он посвятил четырнадцать книг из своих тридцати шести и все еще чувствует себя лишь «у берега могучего, прекрасного Океана поэзии...». Своеобразие Есенина, наипаче прославленного книгами Ю. Прокушева, обозначено здесь лишь тем, что он — Океан с большой буквы. Если каждая глава поэмы Е. Исаева «Даль памяти» есть «приток величавой поэтической реки», естественно представить его поэзию как целый бассейн величавых рек, в котором очень много воды, ибо, «войдя в «Даль памяти», вы все время чувствуете себя как бы в центре мироздания, на необъятных просторах Родины»...

Вас. Федорова Ю. Прокушев ставит в один ряд с классиками и называет сначала крупнейшим и выдающимся поэтом современности, потом великим, но Федоров проигрывает по сравнению с Е. Исаевым, ибо его «богатейшее творчество под стать великой Волге», значит, всего-навсего одной величавой реке.

Жизнь Пушкина, сообщает нам критик — это подвиг. Но и И. Никитин тоже «совершил настоящий подвиг в художественном познании действительности своей эпохи». По сочувственно цитируемым автором книги словам А. Прокофьева, С. Бондарчук совершил подвиг одной только экранизацией

«Войны и мира», и, уж конечно, подвиг — вся жизнь самого А. Прокофьева. А также и Д. Ковалева. Доверчивый читатель теряется в догадках, кому же принадлежит самый большой подвиг: Пушкину, Ковалеву, Бондарчуку? Или, может быть, В. Сорокину, аттестующему себя в книге стихами: «Пока поднялся к Музе на порог, не раз была для нас готова плаха? Уж и «плаха», и «не раз». А ведь действительно, из рассуждений Ю. Прокушева и многих приводимых им цитат создается впечатление чего-то многоголового, такого, что руби не руби...

Масштабы, используемые Ю. Прокушевым, величественны. «Лермонтов, Некрасов, Блок, Маяковский, Есенин мыслили в своих произведениях по-государственному масштабно, мудро, исторически точно», поэтому их книги есть в каждом доме; «...такая же счастливая судьба ожидает и поэму Егора Исаева «Даль памяти» — поэму государственного звучания». «Государственный» для Прокушева — высшая похвала, без колебаний прилагаемая к классикам. «Его поэзия как совесть народа», — уверенно пишет критик о Д. Ковалеве. И в доказательство небывалой совестливости и скромности своего друга цитирует письмо Ковалева с просьбой выяснить, почему его обошли орденом. Вообще в книге то и дело цитируются дарственные надписи критику на поэтических сборниках и устные высказывания друзей-поэтов, которые (с налетом канцеляризма, правда) демонстрируют теплые личные отношения Прокушева с большинством исследуемых стихотворцев.

В книге есть немало достойных имен, но решительно нельзя понять, кто из русских поэтов самый достойный: Блок или Д. Бедный, Твардовский или А. Марков, Рубцов или В. Сорокин?

Кстати, именно о последнем сказано, что это «глубинно-народный поэт, совестливый и чистый, как небо России»; «вся поэзия Валентина Сорокина как негасимый, вечный огонь жизни и памяти народной, огонь доброты и совестливости, огонь надежды и любви»...

Помнится, эта статья — «Огонь и ветер России» — печаталась в журнале «Молодая гвардия» (1986, № 7) с подзаголовком «К 50-летию Валентина Сорокина», а за год до этого там же была помещена статья В. Сорокина «Звезды зажигают поэты. О творчестве Юрия Прокушева», совпавшая с шестидесятилетием критика. В. Сорокин вспомнил, как он впервые читал работу Прокушева о Есенине: «Читал, удивлялся и думал: как хорошо, у Сергея Александровича Есенина есть такой умный и верный исследователь. Все написанное Юрием Прокушевым будто сказано мною» (1985, № 6).

В книгу «И неподкупный голос мой...» включены статьи, писавшиеся с начала 50-х годов до второй половины 80-х. Никакой эволюции в творчестве Прокушева за это время не произошло: последние слова в книге — о невозможности для автора «изменить самому себе, а главное — исторической Правде». Думается, читатель и без подсказки поймет, что это совсем не одно и то же.

С. Кормилов.